

В ВЕРТОЛЕТЕ говорить не-возможно: мотор гремит, как тысяча корякских бубнов, но рыжебородый геолог кричит мне на ухо:

— Смотри, вон Манилы!

За бортом градусов под 60 мороза. Высота небольшая — около 700 метров. Внизу проплывают голубоватые ольхи и розовые ивы, опушенные инеем. Мы снижаемся над холмами. Вертолет делает широкий круг, зависает и садится в аэропорту Манилы.

Я иду по селу — самому большому корякскому селу на севере Камчатки. Под ногами скрипит дощатый тротуар: снега здесь выпадает немного. Новые рубленые дома выстроились в прямые улицы. Читаю названия улиц: Советская, 50 лет СССР, Комсомольская, Гагарина. А вот названия, которые связаны с трудовой жизнью людей: Оленеводческая, Северная, Тундровая, Колхозная, Совхозная. Как отстроилось село за эти восемь лет, которые я здесь не был!..

— Новикова ищешь? Его трудно застать за рабочим столом, — сказал загорелый от солнца и ветра молодой оленевод Николай Мичгин. — С утра он то на ферме, то в ремонтном цехе, а то и по нескольку дней в оленеводческих звеньях.

Мы стоим на крыльце конторы оленесовхоза «Манильский», беседуем. На всякий случай захожу в контору. И мне повезло: входит директор совхоза. Невысокого роста, крепкий, энергичный, он приглашает сесть, а сам поднимает телефонную трубку:

— Что, разморозило? Кто же в сорокапятиградусный мороз будет заниматься сваркой, да еще на чердаке двухэтажного деревянного дома?!

И, обращаясь ко мне:

— А выручать надо. В школе должно быть тепло. Там двести ребят

И снова по телефону:

— Посмотрите, какая там изоляция: стекловата или пакля? Пошлю к вам сварщика...

— Что о себе сказать? Ро-

сивый каменный клуб, два магазина, пошивочная мастерская. На окраине его выстроена птицеферма. Подготовлены свои кадры механизаторов: дизелисты, токари, слесари, мастера животноводства. На ферме — 45 коров со сред-

— А важенок? — спрашиваю я.

— Важенок — 55 процентов.

— План по мясу большой?

— В 1979 году намечаем сдать государству свыше 3.800 центнеров.

Репортаж нашего читателя

МАНИЛЫ — СЕЛО СЕВЕРНОЕ

дом из Сибири, родители жили недалеко от Красноярска. Морозы? — Не привыкать. У нас там были такие же... На Камчатке я с 12 мая 1937 года — более сорока лет, с самого детства. Работал в Олюторском районе, потом здесь, в Пенжинском, в Манилах. Село Манилы было центром корякского рыболовецкого колхоза имени XXII партсъезда. Мы подняли колхоз.

В связи с государственной необходимостью сконцентрировать большой рыболовный флот мы передали суда межколхозному объединению. Занимались развитием традиционного для севера оленеводства. На базе колхоза три года тому назад был создан оленесовхоз «Манильский».

В селе современные рубленые дома, в которые пришел новый быт...

— И знаете, — разминая в пальцах сигарету, поднял глаза Михаил Антонович, — ведь их отделали, застеклили, накрыли крыши столяры, плотники, стекольщики, кровельщики — представители коренных жителей. И как сделали! Залюбуешься!

Появились в Манилах кра-

ным годовым надоем 3.800 литров молока в год, пять тысяч голов высокопродуктивной птицы. По 180 яиц в год дает каждая курица-несушка.

— Мы выполнили нелегкую задачу, — продолжает директор, — взяли из всех табунов детей дошкольного возраста и младшего школьного. Сейчас они в яслях, детских садах, школе-интернате, которые возведены руками местных мастеров.

Совхоз растет и развивается очень быстро. Площадь оленьих пастбищ — два миллиона гектаров. Недавно по решению Пенжинского райисполкома этому хозяйству выделили еще полтора миллиона гектаров выпасов для многочисленных табунов оленей

— Итого 3,5 миллиона гектаров, — показывает директор документ. — В 1978 году совхоз «Полярная звезда» передал нам три тысячи оленей. Сейчас их уже насчитывается в наших табунах 14 700. Стада обслуживают около 90 пастухов и оленетехников. В 1979 году у нас будет до 17 тысяч оленей. Выходное поголовье составит 16.700.

— Курс взят на интенсификацию оленеводства?

— Да.

Директор дотрагивается пальцами до висков, поднимает усталые глаза:

— Вчера ездили в таловскую бригаду. Забили 100 оленей на мясо. Сутки не спал, глаза слипаются.

Новиков — добродушный человек и говорит просто, конкретно. Тема одна: насущные заботы совхоза.

— Говорят, в ваших местах, на берегах реки Таловки, лоси есть? — начинаю я новую тему.

— Есть, и немало. Крупные. Самые крупные в мире...

Грохот вездехода перебивает наш только что завязавшийся охотничий сюжет. Мы выходим на улицу. У конторы стоит огромная, сваренная из листового металла, словно броневик, машина. Откинув брезентовую закидку, из салона вездехода один за другим выходят пастухи, оленетехники, члены агиткультбригады...

— Наш главный оленеврач Гридин Павел Дмитриевич, — представляют мне высокого человека в кухлянке.

Он протягивает руку, и мы знакомимся.

— Как там идут дела у твоего ученика Анатолия Тынентекьева, депутата Верховного Совета СССР?

— Во всех трех звеньях его бригады все в порядке.

И, повернувшись ко мне, добавляет:

— Молодой коммунист, выпускник Магаданского сельскохозяйственного техникума, Тынентекьев влюблен в древнюю профессию своих предков. Подчинился зову души. Перспективную должность занимал. Секретарем Пенжинского райкома ВЛКСМ был. И вот ушел в совхоз. Говорит: «Здесь моя перспектива! Это мое село. Мои родственники, родители были оленеводами, и я хочу продолжить их дело».

Из разговора с солистом корякского ансамбля «Мэнго» Иосифом Жуковым я узнал, что в детстве Иосиф и Анатолий были дружны, учились в одной школе, в одном классе. Лето проводили в тундре, помогали своим родителям выпасать табуны оленей. Горы, реки, тундру узнали не по книгам...

...В вездеход, окутанный паром и дымом от работающего двигателя, садятся новые пассажиры — оленеводы. После окончания трудового отпуска они отправляются в табун. С ними садятся руководители совхоза.

— Работать надо хорошо! — белозубо улыбается все тот же молодой оленевод, стоявший у крыльца, и машет рукой из рванувшегося с места вездехода.

В. МАЛЮКОВИЧ,
старший научный сотрудник Камчатского областного краеведческого музея.